

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ИЗМЕСТЬЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики гуманитарно-педагогического института, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Российская Федерация)
iz-irina@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ «С ОУБЬЕНЫ БОРИСОВЪ»

Рассматриваются языковые средства передачи пространственно-временных отношений в летописной повести «С оубьеньи Борисовъ». Материалом исследования послужил текст Лаврентьевской летописи, были привлечены работы В. И. Борковского, С. А. Бугославского, С. П. Обнорского, Д. С. Лихачева, А. Н. Ужанкова, А. А. Шахматова и других ученых. Доказано, что пространство в повести организовано по вертикальной и горизонтальной осям. На горизонтальной оси противопоставлены центр и периферия: грешник исторгается на периферию, за пределы пространства, а святые (их мощи) занимают положение в центре. Для этого летописец в сюжетно-композиционном построении текста выделяет основные действующие лица (*Борисъ, Глебъ, Ярославъ, Святополкъ, Передьслава, дружина* и др.) и географию происходящих событий (*Кыевъ, Вышегородъ, Смоленскъ, реки Волга и Лъта, церковь Святого Василия*). Указателями духовного пространства выступают определения *помысль Каиновъ* и *образъ Владычень*. Цветовые коды святости (*светъ*) и греха (*тьма*) служат обозначением границы. В повести земной мир не получает цветовой характеристики, а мир небесный передан символически: *свет, светлый, светозарный, златозарный*. Формы глаголов прошедшего времени позволяют отразить смену событий земной жизни (*Святополкъ съзва, приде, рече* и др.), мир небесный как вневременное пространство воплощен формами глаголов настоящего времени (*еста, рекуще, сияюща, просвещающа* и др.). Замысел летописной повести имел целью не только сообщить читателю о событиях борьбы за княжеский престол, определить, как земной мир связан с небесным, но раскрыть божественную сторону мира и ввести читателя в молитвенное состояние.

Ключевые слова: пространство и время в древнерусской картине мира, горизонтальная и вертикальная оси, земной и божественный мир, центр и периферия, цветовые коды, постпозиция и препозиция определений, глагольные формы

Изучение языка «Повести временных лет» (далее ПВЛ) имеет длительную историю, известны фундаментальные труды П. А. Лавровского, М. А. Колосова, Е. Ф. Будде, Н. П. Некрасова, Е. Ф. Карского, В. И. Борковского и других ученых¹, которые рассмотрели фонетические особенности Повести, описали графическую систему, дали характеристику морфологическому строю памятника, его синтаксическим особенностям. На протяжении всего XX века продолжается изучение лексического состава ПВЛ в работах С. П. Обнорского, А. С. Львова, Ф. П. Филина, О. В. Творогова, М. М. Копыленко и др.² Борисоглебский цикл, в который входит летописная повесть «С оубьеньи Борисовъ»³, рассмотрен в русле текстологических разысканий М. Х. Алешковским [2], С. А. Бугославским [4], Л. Мюллером [15], А. В. Поппэ [8], А. Н. Ужанковым [11], [12], А. А. Шахматовым [14] и др. Д. С. Лихачев [6] определил приемы поэтики художественного времени и художественного пространства в древнерусской литературе. О пространственно-временной картине мира в русской средневековой культуре писали Ю. М. Лотман [7], А. М. Ранчин [9], В. Д. Черный [13] и др.

Рассматривая Борисоглебский цикл, А. М. Ранчин показал, что

текст «Сказания...» организован по двум пространственным осям – горизонтальной и вертикальной. На горизонтальной оси противопоставлены центр и периферия: великий грешник исторгается на периферию и за пределы «своего» пространства, а святые (их мощи) занимают положение в центре. В вертикальном измерении контрастируют верх (земной, Вышгород, и небесный – престол Господа и место пребывания душ страстотерпцев и их отца) и низ (ад, место вечных мучений Святополка) [9: 35].

Центр и периферия, продвижение героев повести «С оубьеньи Борисовъ» по вертикальной и горизонтальной осям переданы всеми языковыми средствами текста. Видимый мир первоначально находится на первом плане, он определен сюжетно-композиционным построением повести, в котором обозначены действующие лица (*Борисъ, Глебъ, Ярославъ, Святополкъ, Передьслава, дружина, втрокъ, слугы, поварь* и др.) и география происходящих событий: земля русская – *Кыевъ, Вышегородъ, Смоленскъ, реки Волга и Лъта, цркъвь стаг Василья*. П. Лавровский обратил внимание на тот факт, что при

употреблении падежей для слов, обозначающих место, «находим гораздо более определительности», чем при употреблении слов, выражающих понятие времени⁴. Сообщение о действующих лицах сопровождается уточняющей характеристикой родства, социального положения, физического или душевного состояния, часто при помощи притяжательных местоимений: «шѣмь своимь», «штрокы своими», «рабомь своимь», «ѡ брата своего», «братолюбьемь своимь», «руцѣ свои», «шдрѣ своемь», «дшю мою», «млѣтву мою» и др. Личное пространство героев конкретизируется двойным определением: притяжательные местоимения соотносятся с полными прилагательными или существительными, которые подчеркивают отличительный признак: «лице твое ангслкое», «брате мои любимьи», «брата своего старѣшаго», «брата моего Бориса»; обозначается как социально значимое: «кнзземь нашимь», «дружина штна», «столѣ штни», при этом всегда получает нравственную оценку «сборъ злобивыхъ», «звѣрьє дивии», «Сѣполкъ же шканьшии» и стремится к небесному «Бѣ нашему», «свершеньє Бжѣ».

Определения, стоящие в постпозиции, выполняют не только функцию уточнения «штрокы Борисовы», «корабль Глѣбовъ», «штроци Глѣбови», «поварѣ же Глѣбовъ», «снѣ Оугрескъ», определения используются как символы-указатели духовного пространства, в котором противопоставлены «помысль Каиновъ» и «шбразъ Влѣчнь», «ликы мчнѣцкые», «ликы стѣихъ».

Автор повести прибегает к препозиции определений, чтобы не только ввести устойчивую и известную характеристику (Вышегородскыѣ боларцѣ), но указать границу между греховным и Божественным. Как только возникает преступный замысел, вводится оппозиция «шканьшии Сѣполкъ» – «блжншии Борисъ», которая обозначает направление: Святополкъ движется в сторону греха и забвения, Борис и Глеб – к Богу и почитанию⁵. Обозначенная граница между земным и небесным передается местом определений: препозиция «свою дшю» («безаконье нечестьемь бо свою *дшю* емлютъ») выполняет типичную номинативную функцию без эмоционально-логического выделения; постпозиция определения «дшю мою», «млѣтву мою», «болѣзнь мою» в молитвенном плаче Бориса («ако не шправдится предѣ тобою всакъ живьи . ако погна врагъ *дшю мою*») выполняет выделительную функцию, передавая внутреннюю напряженную борьбу. Борис лишается жизненного пространства («ако шбидоша ма оунци тучни. и сборъ злобивыхъ шсѣде ма»), борьба внутреннего порядка выражена призывом: «Гси Бѣ мои на та уповахъ и сѣи ма». Определения, находясь в постпозиции, несут в себе обобщающее значение, их выразительность повышается.

Преломление земного в небесное поддержано сменой уточняющих определений в метафорические, которые позволяют создать обобщенный образ горнего мира и дать оценку злодеянию, при этом местоположение определений (в препозиции или постпозиции) уравновешенно, определения выполняют характерологическую функцию: «нбснаи житела», «нбсншии шбители» – «в селѣхъ нбснхъ»; «бжѣстенами лучами» – «дхмь божѣственнымь»; «цѣлебныи даръ» – «воды живоносныи»; «стѣхъ заповѣди», «стаѣ Васильи» – «каплями кровными стѣими»; «единомысленаи служителъ» – «верста единовбразна» и др. Зло обозначено символически: «ш злобѣ силншии», «штрѣсти злыи» – «лукаваго змиа», «супротивнаго дываола», «золѣ члѣвкъ» – «члѣвкъ золѣ».

Духовное восхождение оформлено с помощью пространственного предлога-послелога *ради*: «грѣхъ ради нашихъ», «спсншии ради нашего». В. В. Колесов подчеркивает, что значение причины содержится в целом сочетании [5: 653]⁶.

Цветовые коды святости (свѣтъ) и греха (тьма) определяют пространственные границы. «Свет» и «тьма» являются основными антиномиями Священного Писания⁷, в повести цветное описание красоты и величия божественного мира обозначено символически: Бжѣими свѣтлостями, «свѣтлшии звѣздѣ», «светозарное слнце», «свѣтъ разумншии», «в мѣстѣхъ златозарныхъ»⁸. Подчеркнуты черты божественного мира: безграничность («радоши бесконечншии»), беспредельность («свѣтоносная любви нбснаи»), невыразимость («свѣтѣ неиздреченншмь», «неиздреченною радостью»), наполненность любовью и добром («раискую пищу», «свѣтилника предобраи», «заступника теплаи»). В повести мир земной не имеет цветовой характеристики, но подчеркнута тьма, покрывающая землю. Святые братья, «тму ѡгонаща», защищают землю русскую. Мир небесный передан световым описанием, имеющим значение «святой, божественный». В похвале Борису и Глебу, благодаря многократному повтору «радуитаса», свето-цветовая характеристика (светозарный, светоносный, свет разумный, златозарный, светозарное солнце) функционально насыщена: «всегда тму ѡгонаща», «штрѣсти злыи ицѣлѣюща», «бѣсы ѡгонаща», «ицѣленьє подаста». Соотнося поступки героев с событиями Ветхого и Нового заветов, автор повести подводит читателя к постижению мира духовного. «Сравнение в древнерусской литературе поддается не мироощущением, а мировоззрением» [6: 153]. В семантической структуре текста грех обозначен как безаконье, «помысль Каиновъ» и ограничен тьмой: «Сѣполкъ же приде ночью Вышегороду», «послании же придоша на Лѣто ночью».

Пространственно-временная картина повести динамична, лексический повтор позволяет не только сформировать устойчивый облик

действующих лиц и передать развитие событий («такo братья ихъ бѣша с Борисомъ. и Борису же възвратившюса съ вои»; «рѣша же юму дружина втнѧ. се дружина оу тебе втнѧ»; «се любимъ Борисомъ ... югоже люблѧше повелику Борисъ» и др.), но обеспечить взаимосвязь между внешним миром и внутренним, земным и небесным: «приимъ стрѣть грѣхъ ради нашихъ . тако и мене сподоби прияти стрѣть», показать, как формируется образ святых и происходит движение к небесному: «Борисъ . вѣнецъ приемъ ѿ Хса Бѧ съ праведными. причетьса съ прѣркы и апслы. с ликы мчнчѣскыми водвара са»; (Глеб) «и приа вѣнецъ вшедъ въ нбсныя вбители».

Динамичный характер событий подчеркнут текстообразующей усилительной частицей *же*, которая события повести соотносит друг с другом (Сѣополкъ *же* – они *же*, Борисъ *же* – дружина *же* и т. п.), наречиями с временными и пространственными значениями, например: к Борису «послании придоша на Лѣто ночью . и подступиша ближе», убийство свершается не сразу. Борис успевает пропеть заутреню, Псалтырь и Канон, помолвившись, «возлеже на вдрѣ своемъ», после нападения он еще жив, и только по дороге один из варягов пронзает сердце Бориса. Весть о смерти брата и грозящей опасности настигает «Глѣба на Смадинѣ в насадѣ». Глебу остается время только на короткую молитву, больше похожую на плач. Послания «внезапу придоша», «абе ... вбнажиша вружье», они должны были «вборзѣ зарезати Глѣба». Пространственно-временные координаты гибели братьев оказываются различными.

Временной план повести определен глагольными формами повествовательного аориста, которые имеют различные оттенки действия: сначала передают череду свершившихся событий и замысел преступления (Свѣтополкъ *же* сѣде, съзва, приде, призва, реч), затем убийство и его последствия (послании *же* придоша, подступиша, слышаша, нападоша, прободоша, избиша, усѣкнуша, вбрѣтоша, повезоша). В тексте отражено не только согласование по форме (например, Свѣтополкъ реч – послании нападоша), семантически глагольные формы единственного и множественного числа аориста передают результат совместного законченного действия: Свѣтополкъ и послании ѿ Сѣополка связаны злодеянием.

По отношению к Борису и Глебу семантически формы ед. и мн. числа аориста подчеркивают оппозицию: по одну сторону находятся братья, по другую – воины, дружина, посланные, окаянные. Глаголы чувственного действия характеризуют душевное состояние братьев (Борисъ плакаса, помолиса, Глѣбъ възпи плачаса, радовашеса), которое дополнительно описано формами, отражающими различную степень вероятности или

возможности действия, например, размышления о необходимости сделать выбор: «се ми буди въ вѣа мѣсто» (Борис), «быхъ ... видѣлъ лице твое ангѣлокое . оумерлъ быхъ», «быхъ приалъ» (Глеб). Принятие братьями решения передано составным глагольным сказуемым (аористом в сочетании с инфинитивом), появляется дополнительное модальное значение перехода к новому действию, основное смысловое значение передано инфинитивом: нача пѣти (заутреню, псалтырю, канунъ), сподоби прияти (Борис), нача молитиса (Глеб). Так, по отношению к братьям использованы формы аориста единственного числа внутреннего действия, что позволило расширить пространственно-временные рамки происходящих событий, передать душевное состояние братьев. Глаголы в форме множественного числа отражают физические действия посланных по отношению к братьям (нападоша, прободоша, повезоша, положиша и др.). Возникает разнонаправленность сменяющих друг друга событий.

Если Свѣтополкъ и посланные связаны преступлением, то Бориса и Глеба объединили смирение и любовь, как начало пути к святости. Единение братьев передано формой анафорического двойственного числа наст. вр. «в идеально “вечном”» [5: 324] значении (еста заступника Русьстѣи земли, радуитаса, молитаса, покорита, сподобита, подаета и др.), усилено действительным причастием наст. вр. (ѿгонаша, молашаса, сияюша, ицѣлаюша, просвѣщаюша, напаяюша). Констатация фактов в аористе сменяется длительным настоящим временем, которое получает в похвале братьям вневременное символическое значение вечности.

Благодаря восхождению к светоносной небесной любви люди русские получили возможность иметь «цѣлебныя дары»: «ицѣлѣнне . хромымъ ходити . слѣпымъ прозрѣнне . болащимъ цѣлбы . вкованымъ разрѣшенне . темницамъ ѿверзенне . печальнымъ оутѣха . напастнымъ избавленне». Небесное и земное сходятся в молитвенном служении: Борис и Глеб, как заступники земли Русской и светильники сияющие, молятся «къ Влѣдѣ . в своихъ людехъ». Автор повести призывает и представляет: «тѣмже и мы должны есмы хвалити достойно стрѣпца Хсва . молашеса прилѣжно к нима».

Замысел летописной повести имел целью не только сообщить читателю о событиях борьбы за княжеский престол, но показать божественную сторону мира, ввести в молитвенное состояние. Д. С. Лихачев подчеркивал, что в Древней Руси чтение

приближалось к исполнению обряда, часто непосредственно переходило в обряд, древнерусский читатель «участвует» в чтении, как участвует молящийся в богослужении [6: 93, 252].

Таким образом, пространственно-временная картина летописной повести организована

различными грамматическими и лексическими средствами языка, которые позволяют показать земной мир, ограниченный географическими границами, временными рамками, где события имеют начало, развитие и завершение; где про-

исходит нравственный выбор героев; показать божественный мир, открывающийся взору читателя благодаря комментариям летописца, ссылкам на Священное Писание, молитвенному плачу и похвале стратотерпцам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852. 163 с.; Колосов М. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XIV столетие. Варшава, 1872. 192 с.; Будде Е. Из занятий по языку Лаврентьевского списка Начальной летописи // Филологические записки. 1889. Вып. 1. С. 1–24; 1891. Вып. 3. С. 25–26; Некрасов Н. П. Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку // Известия Отделения русского языка и словесности. 1896. Т. 1. С. 832–927; 1897. Т. 2. Кн. 1. С. 104–174; Карский Е. Ф. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи // Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 1–754; Борковский В. И. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Труды Комиссии по русскому языку АН СССР. 1931. Т. 1. С. 1–91.
- ² См. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (По материалам летописей) // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1949. Т. 80; Копыленко М. М. О фразеологии «Повести временных лет» // Вопросы языкознания и методики преподавания иностранных языков. Алма-Ата: Казахстан, 1965. С. 158–173; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975. 367 с. и др. Ученые проанализировали функционирование старославянской и русской лексики в древних памятниках, определили зависимость словоупотребления в летописях не только от жанра, но и «от индивидуальной судьбы каждого старославянизма в древнерусском литературном языке» [10: 210]. П. Лавровский особое внимание обратил на употребление слов, «нередко потерянных в современном языке»⁴. О. В. Творогов подчеркнул, что «любой фрагмент ПВЛ представляет собой сложную мозаику из специфических русизмов и старославянизмов на фоне нейтральной, общей обоим языкам лексики» [10: 209].
- ³ Сѣ оубьньи Борисовѣ // Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 132–139.
- ⁴ Лавровский П. О языке северных русских летописей. СПб., 1852. С. 96, 99.
- ⁵ Обращение исследователей на внутреннюю семантическую оппозицию: блаженный Борис – святой Глеб, определяющую историю становления и развития почитания братьев. См.: [2], [3], [4], [8] и др.
- ⁶ «Ради – падежная форма от слова, родственного глаголу радѣ-ти “заботиться”» [5: 652]. «Причина – идеальный род, в состав которого входят повод, условие, начало и прочие виды проявления причинности, включая и основополагающий вид “пространство”» [5: 652].
- ⁷ «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис. 9:2).
- ⁸ «Как золото – “абсолютная метафора” света, так свет – “абсолютная метафора” Бога: “Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы”» (1 Ин 1:5) [1: 411]. Форма *злато*- употреблена в символическом значении божественного света (*златозарный*), в случае *злату велику* содержится лишь указание на металл и изделие из него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 404–425.
2. Алешковский М. Х. Русские Глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство: художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 104–125.
3. Биленкин В. «Чтение» преп. Нестора как памятник «глеборисовского» культа // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 47. СПб., 1993. С. 54–64.
4. Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М.: Языки славянской культуры, 2007. 672 с.
5. Колосов В. В. История русского языка: Учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2005. 672 с.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
8. Поппэ А. В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 54. СПб., 2003. С. 304–336.
9. Ранчин А. М. Вертоград Златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 576 с.
10. Творогов О. В. К вопросу об употреблении старославянизмов в «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 208–214.
11. Ужанков А. Н. Святые стратотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 28–50.
12. Ужанков А. Н. Святые стратотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий (Окончание) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 37–49.
13. Черный В. Д. Зримые образы слова (истоки, функции и выразительные возможности древнерусских изображений) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11 / Общество исследователей Древней Руси; Отв. ред. М. Ю. Люстров. М.: Языки славянской культуры: Прогресс-традиция, 2004. 912 с.
14. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проспект; Жуковский: Кучково поле, 2001. 880 с.
15. Gröber B., Müller L. Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. München, 1977–1979. Bd. 1. Vol. 1–2.

Izmetstjeva I. A., Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation)

**LANGUAGE MEANS OF DISPLAYING SPATIO-TEMPORAL RELATIONS
IN THE CHRONICLE *О ОУБЪЕНЪИ БОРИСОВЪ***

The article considers the linguistic means of displaying space-time relations in the annalistic chronicle *About Murdering Prince Boris* (О оубъенъи Борисовъ). The text of the Laurentian Chronicle served as the research material, studies by V. I. Borkovsky, S. A. Bugoslavsky, S. P. Obnorsky, D. S. Likhachev, A. N. Uzhanova, A. A. Shakhmatov and other scholars were used. It has been proved that the space in the story is organized along the vertical and horizontal axes. On the horizontal axis, the center and the periphery are contrasted: the sinner is moved to the periphery, beyond the limits of space, while the saints (their relics) occupy the position in the centre. For this purpose the chronicler distinguishes the main characters (*Boris, Gleb, Yaroslav, Svyatopolk, Peredslava, družhina*, etc.) and the geography of the events (*Kiev, Vyshgorod, Smolensk, the Volga and the L'ta rivers, St. Basil's Church*) in the plot and composition structure of the text. The spiritual space is indicated by the definitions of *the Cain's thoughts* and *the Lord's image*. The colour codes of holiness (*light*) and sin (*darkness*) serve for the boundary designation. In the story the terrestrial world is not given any colour characteristics, and the divine world is rendered symbolically – as *light* or *radiant*. The past forms of verbs reflect the change in the events of the terrestrial life, while the divine world as a timeless space is embodied by the present forms of verbs. The idea of the chronicle story was not only to inform the reader about the events of the struggle for the princely throne, to determine how the terrestrial world is connected with the divine one, but to reveal the divine side of the world and prompt the reader into a prayerful state.

Key words: space and time in the Old Russian picture of the world, horizontal and vertical axes, terrestrial and divine worlds, centre and periphery, colour codes, postposition and preposition of definitions, verbal forms

REFERENCES

1. Averincev S. S. Gold in the system of symbols of the early Byzantine culture. *Poetics of the early Byzantine literature*. St. Petersburg, 2004. P. 404–425 (In Russ.).
2. Aleshkovskij M. H. Russian encolpions devoted to Princes Boris and Gleb from 1072–1150. *Ancient Russian art: art culture of pre-Mongolian Russia*. Moscow, 1972. P. 104–125 (In Russ.).
3. Bilenkin V. Reading by Reverend Nestor as a monument of the cult of Princes Boris and Gleb. *Proceedings of the Department of the Old Russian Literature*. Vol. 47. St. Petersburg, 1993. P. 54–64. (In Russ.).
4. Bugoslavskij S. A. Textology of Ancient Russia. Vol. 2. Old Russian literary works about Boris and Gleb. Moscow, 2007. 672 p. (In Russ.).
5. Kolesov V. V. History of the Russian language: Textbook. St. Petersburg, Moscow, 2005. 672 p. (In Russ.).
6. Likhachev D. S. Poetics of Old Russian literature. Moscow, 1979. 360 p. (In Russ.).
7. Lotman Ju. M. Inside the thinking worlds. Human – text – semiosphere – history. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.).
8. Poppe A. V. Earthly death and heavenly triumph of Boris and Gleb. *Proceedings of the Department of the Old Russian Literature*. Vol. 54. St. Petersburg, 2003. P. 304–336. (In Russ.).
9. Ranchin A. M. The Golden-Worded Garden: Old Russian book culture in the interpretations, analysis and reviews. Moscow, 2007. 576 p. (In Russ.).
10. Tvorogov O. V. On the use of the Old Church Slavic words in *The Tale of Bygone Years*. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow, Leningrad, 1963. Vol. 19. P. 208–214. (In Russ.).
11. Uzhanov A. N. Holy martyrs Boris and Gleb: the history of canonization and hagiography. *Ancient Russia. Issues of medieval studies*. 2000. No 2. P. 28–50. (In Russ.).
12. Uzhanov A. N. Holy martyrs Boris and Gleb: the history of canonization and hagiography (final part). *Ancient Russia. Issues of medieval studies*. 2001. No 1 (3). P. 37–49. (In Russ.).
13. Chernyj V. D. Visible images of the word (sources, functions and expressive possibilities of old Russian images). *Hermeneutics of the Old Russian literature*. Issue. 11. Moscow, 2004. 912 p. (In Russ.).
14. Shakhmatov A. A. Studying Russian chronicles. Moscow, 2001. 880 p. (In Russ.).
15. Gröber B., Müller L. Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. München, 1977–1979. Bd. 1. Vol. 1–2.

Поступила в редакцию 29.05.2018